

БІОГРАФІЯ

ДМИТРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ВОЛУЕВА.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 28 дня, 1846 года.

Ценсоръ Стат. Сов. и Кав. И. Снегиревъ.

БІОГРАФІЯ ВОЛУЕВА.

Дмитрій Александровичъ Волуевъ родился въ Синбирской губерніи, 1820 г. Сентября 14-го. Еще не было ему году, какъ лишился онъ матери, скончавшейся въ юныхъ лѣтахъ, и онъ какъ бы заступилъ ея мѣсто въ любви къ ней ея семейства, ея братьевъ. Она была урожденная Языкова. До 11-ти лѣтняго возраста воспитывался онъ въ домѣ отца своего и тамъ уже отличался особеннымъ прилежаніемъ и любовію къ чтенію. Въ 1832 году отецъ привезъ его въ Москву и онъ былъ помѣщенъ въ Пансіонъ Проф. Павлова. Онъ явился туда тихимъ и робкимъ мальчикомъ. Кто бы тогда вглядѣлся въ прекрасныя черты и цвѣтъ его лица, въ красоту его большихъ голубыхъ глазъ, и увидалъ бы въ тоже время необыкновенную застѣнчивость, даже неловкость всѣхъ его движеній, особенно выказывавшуюся всякій разъ, какъ его заставляли участвовать въ играхъ, тотъ угадалъ бы уже тогда, что для внутренней жизни, не для радостей мірскихъ и внѣшнихъ ему суждено было развиться. Онъ привезъ съ собою сундучекъ, на

полненный книгами, частію уже прочитанными имъ прежде. Въ первое время это было его единственное сокровище, единственное утѣшеніе въ его одиночествѣ; ибо долго чувствовалъ онъ себя одинокимъ въ кругу своихъ товарищей. Волуевъ не былъ первымъ въ своемъ классѣ и, казалось, не хотѣлъ имъ быть; между тѣмъ онъ пріобрѣлъ любовь и уваженіе лучшихъ изъ учениковъ высшаго класса, которые одни могли его понять и оцѣнить. Какъ и въ послѣдствіи, онъ не былъ одаренъ ни особеннымъ даромъ слова, ни быстротою мысли, ни блестящею памятью; но жажда знанія, желаніе усвоивать себѣ и распространять на другихъ все доброе въ нравственномъ мірѣ, явились въ немъ рано отличительными его чертами. Въ изысканіи средствъ къ удовлетворенію этой жажды знанія, въ безпрерывномъ стараніи доставать и сообщать другимъ книги, уже тогда проявлялась въ немъ дѣятельность, такъ сильно послѣ развившаяся для общей пользы. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Волуевъ рано могъ уже пользоваться обществомъ и руководствомъ людей съ истиннымъ образованіемъ. На праздники иногда его брали къ себѣ нѣкоторые изъ друзей его дядей по матери. Робкій и дикій въ отношеніи къ незнакомымъ, онъ со всею горячностію души своей привязывался къ тѣмъ, къ кому привыкалъ, съ кѣмъ сближался, и самъ никогда не сомнѣвался въ ихъ взаимной къ нему дружбѣ. Силою своей довѣрчивости къ другимъ, своего стремленія къ благому, онъ, будучи почти еще ребенкомъ, не рѣдко заставлялъ бесѣдовать съ собою людей, давно уже дѣйствовавшихъ на поприщѣ Литературы. У нихъ находилъ онъ также богатые матеріялы для чтенія; кромѣ того, бралъ книги изъ нѣсколькихъ книжныхъ лавокъ, гдѣ былъ абонированъ.

На 13 и 14-ти лѣтнемъ своемъ возрастѣ онъ увлекался чтеніемъ произведеній романтической, особенно Французской Литературы; въ какіе нибудь полтора, много два года, перечелъ почти все, что въ ней было новаго и сколько нибудь замѣчательнаго, посвящая на это всѣ свободныя отъ классическаго ученія минуты. Его нравственная природа была такъ хороша, что это чтеніе нисколько не развратило его воображенія; но произвело на него только то дѣйствіе, что онъ рано увидѣлъ всю пустоту произведеній этого рода и обратился вполнѣ къ чтенію книгъ историческихъ, или классическихъ литературныхъ произведеній. Его не удовлетворялъ уже болѣе Французскій языкъ: онъ сталъ совершенствовать себя въ Нѣмецкомъ, занялся Англійскимъ и Италіянскимъ.

Около трехъ лѣтъ пробылъ онъ въ Пансіонѣ: въ 1835 г., по желанію родныхъ своихъ, перешелъ въ домъ къ близкому имъ человѣку, къ Проф. Шевыреву, гдѣ въ продолженіе года онъ готовился подъ его руководствомъ ко вступленію въ Университетъ, въ 1-е отд. Философскаго Факультета, и потомъ годъ прожилъ Студентомъ. Здѣсь онъ не былъ уже обязанъ вставать и ложиться по звонку; онъ свободно могъ располагать своимъ временемъ, своими уроками; и потому здѣсь вполнѣ уже проявилось его трудолюбіе и сила воли. Онъ распредѣлялъ свое время не по часамъ, а по минутамъ. Всякое упущеніе онъ послѣ вознаграждалъ въ минуты отдыха и часы, опредѣленные для сна. Тогда уже видна была въ немъ строгость къ самому себѣ, вѣрность въ храненіи своего слова, въ исполненіи задачъ, самому себѣ заданныхъ; только съ помощію этихъ качествъ души могъ онъ въ послѣдствіи въ немногіе

юношескіе годы прожить такъ много жизни внутренней, общеполезной, совершить такъ много благихъ дѣлъ и предпріятій.

Кромѣ новыхъ языковъ и литературъ, въ это время онъ занимался преимущественно изученіемъ языковъ древнихъ, и не однимъ уже чтеніемъ, но и изслѣдованіями историческими. Болѣе половины втораго года по вступленіи его въ Университетъ, онъ вслѣдствіе частныхъ обстоятельствъ долженъ былъ провесть въ Синбирскѣ, и потому этотъ годъ былъ для него потерянъ въ отношеніи къ Университету. Возвратившись въ Москву, онъ нанялъ себѣ комнату въ одномъ домѣ, гдѣ жило семейство ему близкое, гдѣ нашелъ онъ себѣ товарищей и старшихъ, способныхъ руководить его на все полезное и благое. Онъ сдѣлался какъ бы членомъ этого семейства и въ немъ провелъ послѣдніе три года своего Университетскаго курса. Онъ занимался здѣсь, какъ и прежде, читалъ бездна, изучалъ Гомера, Виргилія, Нибура, Канта, Бакона, Русскія лѣтописи. Къ этому времени относится начало многихъ его сочиненій, оконченныхъ и не оконченныхъ, многихъ предпріятій, исполненныхъ и не исполненныхъ. Тогда уже цѣлью его занятій не было пріобрѣтеніе знанія мертваго или отвлеченнаго; онъ хотѣлъ знать только то, въ чемъ видѣлъ смыслъ духовный; какъ и въ самой жизни обращалъ вниманіе только на внутреннюю ея сторону. Онъ предался исключительно наукѣ исторической и въ ней дорожилъ только началами, составляющими сущность самой жизни. — Въ тѣсномъ кругу, въ которомъ онъ жилъ, было много блестящихъ дарованій и они всѣ были достойно цѣнимы. Въ этой постоянной взаимной оцѣнкѣ они находили для себя полную са-

моудовлетворенность, и она, можетъ быть, приносила имъ временный, частный вредъ. Но Волуевъ — любимый всѣми, но не превозносимый черезъ мѣру, уступавшій другимъ въ дарованіяхъ, — находилъ въ этомъ кругу одно постоянное соревнованіе и побужденіе къ неослабному труду. Видя вокругъ себя людей съ самыми блестящими способностями, съ самыми благими намѣреніями, но часто недѣйствующихъ, — онъ понялъ, чѣмъ они могли быть для него и онъ для нихъ.

Въ 1841 году онъ вышелъ изъ Университета, 21-го года, со всею дѣтскою чистотою, человѣкомъ уже зрѣлымъ, сознавшимъ свои силы, свое назначеніе. Проф. Крюковъ, котораго раннюю потерю мы оплакивали недавно, понялъ и оцѣнилъ его прежде и болѣе другихъ. Онъ понялъ и оцѣнилъ въ немъ небреженіе къ одной мертвой формальности, мѣрилу ложнаго просвѣщенія: отъ Волуева, кончившаго курсъ хотя и кандидатомъ, но далеко не первымъ, онъ ожидалъ гораздо болѣе, нежели отъ всѣхъ его товарищей, несравненно блистательнѣе кончившихъ свой экзаменъ.

Въ этомъ же 41-мъ году Волуевъ лишился отца и явился подпорою оставленнаго имъ семейства. — Съ 1842-го года онъ вступилъ дѣятельно на поприще литературы. Задачей своей жизни онъ положилъ способствовать проявленію талантовъ видимыхъ, но бездѣйствующихъ въ людяхъ, которые его окружали, перелить имъ свою любовь къ труду, заимствуя отъ нихъ и знаніе и ясность и опредѣленность убѣжденій. *Всякому дано явленіе духа на пользу*. И онъ хотѣлъ всѣ дары соединить на общую пользу, ничему такъ не соболѣзнуя, какъ ихъ безплодности. Этой цѣли онъ, 21-го года, началъ жертвовать своимъ имуществомъ, самимъ собою.

Нелицепріятая любовь къ отечеству, безпристрастное уваженіе и любовь къ Русской старинѣ, во сколько въ ней самобытно проявлялись чистыя духовныя начала, но еще сильнѣйшая и безусловная привязанность къ Церкви, въ непогрѣшимость, въ единство коей онъ неколебимо вѣрилъ,—вотъ чувства и убѣжденія, развитыя въ немъ его юношескимъ образованіемъ. Занятія его были всѣ устремлены на распространеніе и утвержденіе этихъ убѣжденій и въ этомъ стремленіи своемъ онъ примирялъ науку съ жизнію.

Одинъ изъ предметовъ, обратившихъ на себя первую его дѣятельность, было собираніе и обнародованіе нетронутыхъ дотолѣ источниковъ Русской Исторіи. Замѣчаніе одного ученаго ревнителя нашей народности, что между старинными бумагами, такъ называемыми крѣпостями Русскихъ дворянъ, находятся многіе драгоцѣнные памятники, коихъ обнародованіе было бы весьма важно для Русской Исторіи,—переданное Волуеву—не пропало даромъ, и возбудило эту первую его дѣятельность. Онъ понялъ важность и истину этого замѣчанія и, рѣшившись тотчасъ имъ воспользоваться, соединился для этой цѣли съ своими дядями, тремя Языковыми и Хомяковымъ. Онъ обратился, разумѣется, къ Дворянамъ той Губерніи, которой самъ принадлежалъ. Онъ былъ въ Симбирскѣ лѣтомъ 1842 года. Къ этому времени, кажется, можно отнести начало его дѣятельнаго служенія обществу. Среди занятій дѣлами своего семейства и своими собственными, онъ не проводилъ ни одного дня безъ трудовъ общеполезныхъ. Не въ однихъ дворянскихъ архивахъ, вездѣ искалъ онъ древнихъ рукописей: въ архивахъ правительственныхъ, во сколько они могли быть для него доступны, у лицъ духовныхъ, у купцовъ, у подьячихъ, въ Симбирскѣ даже въ тѣхъ ла-

чугахъ, которыя сокрыты отъ свѣта и отъ глазъ въ обширномъ оврагѣ, подъ мостомъ. Эти поиски продолжалъ онъ все лѣто. Для нихъ и на возвратномъ пути въ Москву, черезъ Нижній, онъ останавливался въ городахъ. Болѣе всего нашелъ онъ драгоцѣнныхъ памятниковъ въ самомъ Синбирскѣ, въ Алатырѣ и Курмышѣ. Его юношескія надежды при этихъ поискахъ далеко не совершились вполнѣ; съ богатымъ однакожъ запасомъ онъ возвратился въ Москву и началъ изданіе *Синбирскаго Сборника*, который онъ посвятилъ памяти знаменитаго Синбирскаго уроженца, Исторіографа Н. М. Карамзина. Три года еще прошло до совершеннаго окончанія и выдачи имъ въ свѣтъ 1-го тома. Въ эти три года онъ воспользовался, кажется, всѣмъ, что Москва, ея ученые, ея архивы, могли доставить ему для усовершенствованія и распространенія этого изданія; написалъ по поводу его разысканіе о мѣстничествѣ, служащее предисловіемъ къ напечатанной въ немъ разрядной книгѣ. Этотъ послѣдній трудъ представляетъ, можетъ быть, лучшую разработку спеціальнаго вопроса въ нашей Исторіи. За такія изслѣдованія до него у насъ еще не принимались.

Но много, много еще въ эти три года было имъ сдѣлано, начато, задумано. Трудно исчислить всѣ труды, имъ самимъ и другими по его побужденію предпринятые. О многихъ еще нельзя говорить; ибо тайну ихъ онъ самъ хранилъ свято до ихъ будущаго исполненія. Но главными его предпріятіями, приведеніе которыхъ въ дѣйствіе началось уже при немъ, кромѣ изданія Синбирскаго Сборника, были изданія *Библіотеки для Воспитанія*, *Сборника Историч. и Статист. свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и*

единоплеменныхъ; основаніе складочнаго мѣста для Русскихъ книгъ въ Лейпцигѣ; сношенія съ землями православными внѣ Россіи и нѣкоторыми людьми въ странахъ другихъ исповѣданій, показывавшими сочувствіе къ Восточной Церкви и желаніе познать ее.

Знакомство его съ А. П. Зонтагъ, коей нѣкоторыя сочиненія и переводы для дѣтскаго чтенія онъ взялся выдать въ свѣтъ, подало ему поводъ къ изданію Библ. для Восп., собранія статей для дѣтскаго чтенія въ стихахъ и въ прозѣ, большею частію оригинальныхъ. Еще въ 1842 году, когда онъ въ послѣдній разъ былъ въ Симбирскѣ и занимался преимущественно собраніемъ Историческихъ актовъ, онъ вездѣ, гдѣ только ему могло удасться, раздавалъ работы, извлеченія, переводы, заготовляя матеріалы для Библіотеки. Изданіе ея началось съ 1843 года; съ 1845-го онъ далъ ему лучшій и обширнѣйшій планъ. Къ участію въ немъ склонилъ онъ многихъ Профессоровъ Москов. Унив. и другихъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ его раздѣлилъ на два отдѣла: одинъ собственно для дѣтскаго чтенія, другой для теоретическихъ статей о дѣтскомъ воспитаніи. Самъ онъ завѣдывалъ вполнѣ первымъ отдѣломъ; редакцію втораго принялъ на себя Проф. Рѣдкинъ. Но это раздѣленіе оказалось неудобнымъ; опытъ убѣдилъ, что второй отдѣлъ не соотвѣтствуетъ изданію періодическому. Уѣзжая за границу нынѣшнею осенью, Волуевъ на 1846 годъ прекращалъ изданіе Библіотеки; но предоставлялъ себѣ право возобновить его по своемъ возвращеніи, ограничивши уже однимъ отдѣломъ для дѣтей.

Самое обширнѣйшее изъ литературныхъ предпріятій Волуева было изданіе Историческаго и Статистиче-

скаго Сборника. Онъ сначала хотѣлъ назвать его Славянскимъ; но потомъ измѣнилъ это названіе, когда увидѣлъ, что его стали у насъ употреблять во зло безъ всякаго толку и разумѣнія, и что это слово вошло въ моду въ разговорахъ чуждыхъ всякой мысли и общаго интересса и въ особенности науки. Печатаніе этого Сборника началось въ началѣ 1843 года. Первый Томъ его, совершенно приготовленный Волуевымъ передъ самымъ его отъѣздомъ, вышелъ на дняхъ изъ печати. Слѣдующія статьи принадлежатъ въ немъ самому Волуеву: 1. Предисловіе, 2. Города Нѣмецкіе и Славянскіе, 3. Славянское и Православное населеніе въ Австріи, 4. нѣсколько разборовъ въ библіографическомъ отдѣлѣ, названномъ «Историч. Наука Слав. міра въ посл. пятилѣтіе,» и наконецъ главная — 5. Христіанство въ Абиссиніи. Изъ этѣхъ статей можно получить довольно полное понятіе обо всемъ его направленіи, объ его убѣжденіяхъ въ наукѣ и отчасти въ самой жизни. Кромѣ того въ первой части перваго Тома заключаются: пять статей оригинальныхъ(Хомякова, Попова, Грановскаго,Снегирева и Соловьева) и пять переводныхъ, или извлеченій изъ сочиненій о Славянахъ Чоппе и Штенцеля, Іос. Губе, Суровецкаго, Клёдена и письмо Еврея Рабби Хисдай къ Царю Хозарскому; наконецъ 2-я часть, занимающая не болѣе третьей доли всего Тома, заключаетъ въ себѣ полный переводъ большаго сочиненія Проф. Дерптск. Универ. Рейца о политич. муниципальномъ устройствѣ Далмаціи въ среднихъ вѣкахъ. Компактность изданія дала возможность представлять такимъ образомъ вмѣстѣ съ оригинальными статьями извлеченія и цѣльныя переводы изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій на другихъ языкахъ о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. Цѣль изданія этого Сборника

ясно высказана Волуевымъ въ предисловіи; тамъ же, на стр. 22—3, можно видѣть, что уже имъ заготовлено для слѣдующихъ Томовъ.

И такъ вотъ, что совершилъ Волуевъ въ послѣдніе три года своей жизни!... Дѣятельность въ такіе годы безпримѣрная! Кто сообразитъ всѣ тѣ предпріятія и труды, на которые мы только намекнули, тотъ составитъ себѣ хотя слабое объ ней понятіе; тотъ согласится, что это была жизнь достойная остаться въ памяти людей и служить примѣромъ для настоящихъ и будущихъ поколѣній.

Въ чемъ состояла тайна этой дѣятельности? Въ силѣ любви, въ силѣ вѣры и надежды, въ силѣ внутренней жизни, отражавшейся и во внѣшнихъ его дѣйствіяхъ. Она внушала ему довѣріе къ самому себѣ и еще большее къ другимъ. Ею объясняется его неотразимое вліяніе на другихъ. Онъ самъ какъ будто сознавалъ, что вѣкъ его не дологъ, что онъ мимолетный гость на сей землѣ. Это видно изъ того, что хотя много онъ сдѣлалъ, но еще болѣе началъ, завѣщалъ, указалъ другимъ, какъ дѣлать. И другіе тоже какъ будто предчувствовали его судьбу и показывали ему вниманіе и уваженіе, по обыкновенному порядку не соотвѣтствовавшее его юнымъ лѣтамъ. Онъ этому радовался; ибо чувствовалъ, что это ему нужно не для одного самолюбія, но и для общей пользы. Онъ радовался всему, что устроивало эти отношенія, хотя бы это стоило ему великой жертвы. Такъ въ началѣ 1843-го года вслѣдствіе его болѣзни его стали посѣщать — его близкіе, друзья, сотрудники, сверстники и старшіе, и такимъ образомъ всѣ привыкали бывать у него; онъ думалъ, сколько это можетъ принести ему выгоды въ отношеніи ко време-

ни и радовался своей болѣзни.... Никто не умѣлъ такъ пользоваться временемъ, такъ мало терять его для суетности внѣшней. Однѣ минуты отдыха посвящалъ онъ бесѣдѣ сердечной съ людьми самыми близкими, и въ этѣ минуты почерпалъ новую силу для своей дѣятельности. Рѣдко, и чѣмъ дальше тѣмъ рѣже являлся онъ въ многолюдныя общества его друзей. Его прежняя внимательность къ шумнымъ разговорамъ исчезала; онъ видѣлъ въ нихъ мало пользы. Онъ искалъ только тѣхъ, съ кѣмъ могъ переговорить о дѣлѣ, и удалялся. Крѣпко было въ немъ сознаніе своего дѣла — и для него онъ не отступалъ ни передъ какими приличіями, неумолимо грозными для прочихъ. Иногда даже люди, болѣе всѣхъ его цѣнившіе и понимавшіе, находили въ его поступкахъ странность, какое-то пренебреженіе къ прочимъ, и обращались къ нему съ укоромъ; тогда онъ устремлялъ на нихъ свои умоляющіе взоры и какъ бы говорилъ: «я знаю, что я дѣлаю: простите меня, но оставьте!»

Войдемъ въ его комнату; прослѣдимъ за его днемъ въ тѣ полгода, съ Генв. до Іюля 1844-го года, когда, возвратившись изъ за границы, онъ казался совершенно здоровымъ. Едва раскрывалъ онъ глаза, какъ уже начиналъ распредѣлять свои занятія. Всѣ столы во всѣхъ 3 или 4-хъ его комнатахъ постепенно занимались людьми, которые ему помогали въ черной работѣ по его изданіямъ. Кто принимался за переписываніе, кто за выписки, за сличеніе копій какихъ нибудь столбцовъ съ подлинниками; другіе переводили что нибудь подъ его надзоромъ. Между тѣмъ писецъ ожидалъ уже его диктовки. У него всегда было что нибудь для диктовки въ то время, когда самъ онъ не могъ еще сѣсть за свой пись-

менный столъ. Потомъ являлись корректуры изъ типографіи, приходили наборщики, переплетчики, граверы, бумагопродавцы, книгопродавцы и пр. и пр. Приходили и друзья его и сотрудники и не разъ встрѣчали у него какого нибудь старца съ бородою, пришедшаго къ нему для духовной бесѣды. Наконецъ онъ уединялся въ своей комнатѣ и сосредоточивался надъ какою нибудь собственною оригинальною работою и въ это время, хотя онъ и не отказывалъ своимъ посѣтителямъ, но никогда не отрывался отъ своего дѣла и посѣтителя своего старался тоже занять дѣломъ. Около трехъ часовъ онъ распускалъ своихъ домашнихъ сотрудниковъ, приводилъ въ порядокъ всѣ свои дневныя дѣла, заготовлялъ множество записокъ, корректуръ, посылокъ и, выѣзжая, вручалъ это все своему служителю для разноски по городу, продолжавшейся иногда до самаго вечера. Самъ онъ отправлялся куда нибудь обѣдать. Иногда еще до обѣда заѣзжалъ къ разнымъ лицамъ наводить справки объ общихъ дѣлахъ, опаздывалъ иногда къ обѣду и забывалъ объ немъ. Время обѣда было единственное, которое онъ опредѣлялъ на посѣщеніе самыхъ близкихъ ему семействъ. Тутъ онъ часто игралъ съ дѣтьми, которымъ былъ другъ и наставникъ, которые его любили всею душею и для него свободныя отъ уроковъ минуты съ охотою, съ радостію посвящали на заданныя имъ работы, на переписки, сличенія, считыванія. Въ остальное время дня онъ старался свидѣться со всѣми, кто въ это время былъ занятъ съ нимъ какимъ нибудь общимъ дѣломъ, или кого онъ только надѣялся побудить къ такому занятію, или у кого нужно было испросить совѣта. Заѣзжалъ въ типографію, къ Цензору. Если это было лѣтомъ, онъ соединялъ всѣ эти посѣщенія съ прогулками, которыя

обыкновенно дѣлалъ верхомъ. Одинъ ему близкій человѣкъ, въ шутку, но безъ насмѣшки, обыкновенно называлъ его часовщикомъ, который всякій день объѣзжаетъ всѣ дома, гдѣ находятся заводимые имъ часы. Хотя это была шутка, но она вѣрно выражаетъ его внѣшнюю дѣятельность. Пусть часы, заведенные нашимъ Волуевымъ, не останавливаются долго и безъ видимой его руки.... Ежедневно одинъ часъ вечера любилъ онъ наблюдать за ходомъ ученаго труда, однимъ изъ близкихъ ему людей по его побужденію предпринятаго и отъ котораго ожидалъ онъ болѣе плода, нежели отъ своихъ предпріятій. Никогда, ни по какимъ причинамъ, самъ не пропускалъ онъ этого часу. Остальное время онъ проводилъ частію въ чтеніи, частію въ бесѣдѣ. . .

Общественная и внѣшняя дѣятельность Волуева была проявленіемъ его внутренней жизни — въ ней видна была его душа. Но, чтобы вполнѣ ее постигнуть, надобно было ее видѣть въ его отношеніяхъ частныхъ; надобно знать, какъ онъ умѣлъ любить. Въ этихъ отношеніяхъ, въ его юные годы, проявилась вся сила и чистота его души. Юноша, едва вступившій въ жизнь, онъ окружалъ людей ближайшихъ его сердцу всѣми заботами объ единомъ, что есть на потребу жизни, о ихъ жизни внутренней, духовной, нравственной. Въ немъ это было незамѣтно и просто: его собственная чистота давала ему на то внутреннее право. Онъ сохранилъ эту чистоту до гроба.

Въ 1842-мъ году осенью Волуевъ занемогъ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1843-го года онъ отправился для поправленія своего здоровья за границу. Отъ этой поѣздки особенно надѣялись пользы потому, что думали такимъ образомъ оторвать его отъ усильной дѣятельности здѣсь. Но воз-

можность ея находилась для него вездѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ отношенія къ своему отечеству, и еще болѣе къ видимой Церкви Христовой. Въ полгода онъ объѣхалъ большую половину Европы. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, онъ рылся въ библіотекахъ, собиралъ матеріялы для своихъ сочиненій объ Ирландской церкви, объ Абиссиніи; изъ Праги вывезъ много рѣдкихъ книгъ и замѣчательнѣйшихъ рукописей касательно Чешской Исторіи; въ Англіи вошелъ въ сношенія съ людьми, сочувствовавшими одушевлявшей его мысли о соединеніи Церквей. — Во многихъ мѣстахъ онъ слышалъ жалобы на трудность литературныхъ сношеній съ Россіею, на невозможность доставать книги. Жалобы этѣ давно уже были слышны, и со всякимъ днемъ увеличивались; но никто помочь этому недостатку не умѣлъ; Волуевъ за это взялся и, по возвращеніи его въ Москву, его мысль обратилась тотчасъ въ дѣло: весной 1844-го года Лейпцигъ снабжалъ уже Парижъ лучшими произведеніями Русской литературы. — За границей Волуевъ познакомился только съ нѣкоторыми лицами въ Англіи и въ Прагѣ, близкими ему по своимъ стремленіямъ. Сношенія съ ними онъ продолжалъ въ Россіи; но еще болѣе побуждалъ къ нимъ другихъ. Излишне говорить о любви, которую ему оказали и послѣ сохраняли къ нему люди, какъ Ганка, Шафарикъ, Исторіографъ Палацкій. — Нигдѣ не могъ онъ оставаться долго: его повсюду сопровождала тоска неодолимая. Это былъ, можетъ быть, единственный случай, въ которомъ онъ не показалъ достаточной силы воли надъ собою: здѣсь дѣло шло объ его здоровьи. Вдругъ, къ радости и прискорбію своихъ друзей, онъ уже въ Генварѣ мѣсяцѣ 1844-го года возвратился къ нимъ, въ Москву, къ своей обычной дѣятельности, къ своимъ изданіямъ.

Его здоровье поправилось вслѣдствіе его поѣздки; но не на долго: она была слишкомъ кратка и тревожна. Къ тому же его отсутствіе только усилило его рвеніе къ общественному служенію; онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ возстановившіяся свои силы. Ихъ стало не на долго. Лѣтомъ 1844-го года его здоровье растроилось еще болѣе прежняго. Онъ собирался ѣхать къ своимъ въ Симбирскъ; но уже не былъ у нихъ ни разу. Въ зиму 1844 и 1845 года онъ долженъ былъ оставаться большею частію дома; онъ сдѣлался сосредоточеннѣе и съ уменьшеніемъ внѣшней дѣятельности усиливалось въ немъ напряженіе умственное. Къ этому времени относится его огромный трудъ объ мѣстничествѣ, окончаніе первой статьи о Христіянствѣ въ Абиссиніи, и редакція Библіотеки. Кругъ его сотрудниковъ еще увеличился; невозможность всѣхъ объѣзжать по прежнему онъ вознаграждалъ дѣятельной перепиской. Урывками повторялись дни его прежней полной движенія жизни.

Прошедшею весной ему сдѣлалось хуже: онъ сталъ видимо ослабѣвать. Начало чахотки въ немъ сдѣлалось несомнѣнно. Въ Августѣ 1845-го года, по общему совѣту врачей и друзей его, ему рѣшено было ѣхать за границу, на Югъ Франціи. Трудно было его на это склонить; невыносима была для него мысль оторваться отъ того мѣста, въ которомъ онъ видѣлъ для себя столько дѣла впереди, отъ тѣхъ людей, въ кругу которыхъ онъ находилъ счастіе. Общій приговоръ убѣдилъ его въ необходимости этой поѣздки. Но скоро самъ почувствовалъ онъ свою слабость; увидѣлъ, что до возстановленія своего онъ долженъ отказаться отъ всякой дѣятельности и внѣшней и умственной. Мысль оставаться здѣсь въ бездѣйствіи стала ему невыносима, и онъ также сильно сталъ желать и требовать отъѣз-

да, сколько прежде отъ него отвращался. Воображенію его стали представляться труды, которые онъ могъ бы предпринять за границей, когда сколько нибудь возстановились бы его силы, та польза, которую могъ извлечь изъ своего путешествія и оно сдѣлалось уже для для него привлекательнымъ. Въ это время былъ здѣсь въ Москвѣ одинъ Англійскій Пасторъ, въ короткое время заслужившій любовь и уваженіе своей временной паствы и всѣхъ его знавшихъ. Чувство оторванности Церквей Западныхъ отъ единства Церкви Хрістовой, уваженіе къ Восточному Православію, были достаточными причинами къ сближенію его съ Волуевымъ. Однажды, выходя отъ него послѣ искренней бесѣды, пораженный чистотою и горячностью его высокихъ, духовныхъ стремленій, онъ со слезами на глазахъ сказалъ, обращаясь къ другому: «такіе люди не долго живутъ на свѣтѣ!» Пророческія были эти слова! — Первая статья Волуева о Хрістіянствѣ въ Абиссиніи къ 1-му т. Историч. Сборника была окончена въ это время. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ имѣлъ утѣшеніе получить ее изъ Духовной Цензуры съ самымъ лестнымъ отзывомъ отъ ученаго человѣка, ее цензоровавшаго, достойнѣйшаго судьи въ этомъ дѣлѣ.

Въ Сентябрѣ онъ получилъ заграничный паспортъ — онъ уѣхалъ бы, можетъ быть, въ Августѣ, но паспортъ изъ Петербурга нельзя было получить прежде трехъ недѣль. Потомъ сильная лихорадка задержала его еще недѣль 6-ть. Думали его совсѣмъ не пускать, но онъ самъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать. Противорѣчить ему было невозможно. Притомъ здѣсь не видали никакой надежды; единственную возможную надежду предполагали въ перемѣнѣ климата. Какъ скоро лихорадка уступила, отъѣздъ былъ рѣшенъ. Онъ выѣхалъ изъ

Москвы 3-го Ноября; 8-го прибылъ въ Новгородъ, и не могъ ѣхать далѣе, хотя и не терялъ надежды. Еще 18-го числа онъ думалъ продолжать путь свой чрезъ Петербургъ. Но въ этотъ день къ вечеру не въ силахъ уже былъ передвинуть ногъ. Въ немъ не было предчувствія приближающейся кончины; но безпрестанныя видѣнія, непонятныя для прочихъ, а ему представлявшіяся дѣйствительностью, показывали, что бодрая его душа уже разрѣшается отъ оковъ тѣлесныхъ Онъ окружалъ себя своими друзьями; разговаривалъ съ ними часто; призывалъ ихъ, воображая ихъ возлѣ себя; часто мановеніемъ руки отправлялъ къ нимъ письма, которыя писалъ только мысленно. Вся сосредоточенная сила, вся бодрость его души, съ новымъ блескомъ явилась въ послѣдніе его дни при окончательномъ разслабленіи его силъ тѣлесныхъ. Въ Москвѣ передъ отъѣздомъ онъ не могъ болѣе четверти часа выслушивать никакаго чтенія. Въ Новгородѣ въ одинъ вечеръ, ни разу не прервавши чтенія, онъ выслушалъ Апокалипсисъ весь, съ начала и до конца. Раздражительность — отличительный признакъ чахотки, терзавшая его въ послѣдніе мѣсяцы въ Москвѣ, исчезла совершенно. Ни его спутникъ за границу — тотъ самый человѣкъ, ему душею преданный, который сопровождалъ его въ его послѣднюю поѣздку въ Симбирскъ еще въ 1842 году,—ни его служитель, не видали отъ него нетерпѣливаго движенія во всѣ двадцать дней послѣ его отъѣзда изъ Москвы. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ болѣе кротокъ и покоренъ онъ становился. Казалось, милость Божія ему назначила эти двадцать дней для полнаго очищенія. Онъ такъ былъ радъ, когда, пріѣхавъ въ Новгородъ, вошелъ въ ту комнату, изъ которой болѣе не вышелъ! Еще за три дня до кончины

онъ диктовалъ къ одному изъ друзей своихъ письмо, въ которомъ говорилъ, что доволенъ своимъ пребываніемъ въ Новѣгородѣ. Общество его друзей могло поддерживать въ немъ самолюбіе, единственную слабость, которую могли въ немъ замѣтить, или предполагать, хотя онъ постоянно противъ нея боролся и, по возможности, хранилъ въ тайнѣ свое служеніе на пользу общую, свои дѣйствительныя и незабвенныя заслуги; — присутствіе гордости въ немъ, кажется, было только свидѣтельствомъ той силы душевной, съ которой онъ ее въ себѣ поборалъ. — Среди уединенной святыни Новогородской онъ чистъ предсталъ передъ судомъ Господнимъ. 20 Ноября причастился Св. Таинъ. Въ ночь съ 22 на 23-е почувствовалъ приближеніе кончины.. Въ пять часовъ онъ три раза перекрестился.... и скоро за тѣмъ онъ тихо испустилъ духъ....

На другой день тѣло Волуева вынесено было въ церковь Св. Димитрія Солунскаго. Въ 6-й было отпѣваніе. Черты его лица были все еще прекрасны. Народъ приходилъ толпами къ его гробу и, посмотрѣвъ на его еще прекрасные останки, люди простые, его не знавшіе и не слыхавшіе о немъ, молились искренно за упокоеніе души его. Въ вечернюю панихиду послѣ отпѣванія — гробъ закрыли крышею. Когда же черезъ 3-е сутокъ ее подняли, чтобъ совершить послѣдній обрядъ Церковный, бросить на тѣло горсть земли и потомъ закрыть его на вѣки — лице, руки его не представили ни малѣйшаго измѣненія.

23 Декабря тѣло привезено въ Москву, 29 предано землѣ въ Даниловскомъ монастырѣ возлѣ Венелина. Блаженны, ихъ же избралъ и пріялъ еси, Господи!

В.....

Москва, 29 Декабря, 1845 года.

